

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА СПРАВЕДЛИВОГО СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА И УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопрос понижения градуса криминогенной напряженности в стране остается одним из наиболее приоритетных на сегодняшний день. Этому способствует множество различных социально-экономических и общественно-политических факторов, важными из которых в решении данной проблемы, как ни странно, становятся фрагментарность и недостаточность существующей уголовной политики. Нарушение целостности системы уголовной политики, которое происходит в связи с наличием фактора нестабильности и энтропии антикриминального нормотворчества, фактически сводит на нет все усилия по преодолению реальной преступности. Асистемность уголовной политики находит свое отражение не только в избыточном количестве карательных и превентивных инструментов, но и в искусственном сдерживании уголовной политики посредством антикриминального регулирования и в чрезмерном акцентировании внимания на совершенствовании законодательства об ответственности за совершенное преступление. С момента вступления в силу и по 1 января 2018 г. Уголовный кодекс РФ претерпел 196 изменений, Уголовно-процессуальный кодекс РФ – 211, а Уголовно-исполнительный кодекс РФ перенес 81 поправку. Складывается впечатление, что при реформировании кодифицированных нормативно-правовых актов эффективность соответствующих законопроектов значительно уступает место активности, с которой они принимаются. Такой низкий уровень устойчивости уголовной политики стал причиной большинства проблем и подвел некоторых специалистов к выводу о немедленной рекодификации антикриминального законодательства.

Материалы и методы. В работе произведен анализ содержания и факторного комплекса уголовной политики, необоснованно реквизируются вопросы духовного и нравственного состояния общества. Анализируются и сопоставляются нормативные документы всех уровней.

Результаты. Отсутствует элемент сотрудничества между специалистами ведомств уголовного права и криминологии, а алгоритм принятия законопроектов антикриминалистической и уголовной направленности не предусматривает экспертно-консультативные обсуждения с представителями социальной и духовной сфер: педагогами, теологами, философами, математиками, психологами, юристами.

Выводы. В результате исследования сделан вывод, что системность уголовной политики, подкрепленная комплексными усилиями по исправлению духовных и нравственных дефектов, присущих человеку, реально способна разрешить ее главную задачу, а именно – снизить уровень преступности. Обосновывается необходимость создания под патронатом Президента РФ ко-

миссии, занимающейся проблемами уголовной политики, деятельность которой будет направлена на изыскание, разработку и реализацию альтернативных вариантов концепций с применением методов математического моделирования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная политика, социальное устройство, асистемность.

A. D. Mkrtchyan, N. V. Valuyskov, L. V. Bondarenko, A. A. Khlgatyan

IMPROVING THE SYSTEM OF CRIMINAL POLICY AS A BASIS FOR JUST SOCIAL STRUCTURE AND STRENGTHENING THE STATE SYSTEM

Abstract.

Background. The issue of raising the degree of criminal tension in the country remains one of the highest priority today. This is facilitated by many different socio-economic and socio-political factors. However, oddly enough, the most acute angle in solving this problem is the fragmentation and insufficiency of the existing criminal policy. Violation of the integrity of the criminal policy system, which occurs due to the presence of the factor of instability and entropy of anti-criminal rulemaking, effectively negates all efforts to overcome real crime. The systematic nature of criminal policy is reflected not only in an excessive amount of punitive and preventive tools, but also in artificial deterrence of criminal policy through anti-criminal regulation and an excessive emphasis on improving legislation on responsibility for the crime committed. Since the Criminal Code of the Russian Federation came into force on January 1, 2018, it has undergone 196 changes, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation - 211, and the PEC of the Russian Federation has postponed 81 amendments. One gets the impression that when reforming codified normative legal acts, the effectiveness of relevant draft laws is significantly inferior to the place of activity with which they are adopted. Such a low level of stability of criminal policy caused most of the problems and led some experts to the conclusion of the immediate recodification of anti-criminal legislation.

Materials and methods. The work analyzes the content and factor complex of the criminal policy, unreasonably requisitioned questions of the spiritual and moral state of society. Analyzed and compared regulatory documents at all levels.

Results. There is no element of cooperation between experts of the departments of criminal law and criminology, and the algorithm for adopting anti-criminalistic and criminal laws does not provide for expert-consultative discussions with representatives of the social and spiritual spheres: educators, theologians, philosophers, mathematicians, psychologists, lawyers.

Conclusions. As a result of the research, it can be concluded that the systematic nature of criminal policy, supported by complex efforts to correct the spiritual and moral defects inherent in a person, is really capable of solving its main task, namely, to reduce the crime rate. It justifies the need to create, under the patronage of the President of the Russian Federation, a commission dealing with criminal policy issues, whose activities will be aimed at finding, developing and implementing alternative concepts using mathematical modeling methods of criminal law and law enforcement practice.

Keywords: criminal policy, social structure, asystem.

Под уголовной политикой принято понимать целенаправленную деятельность государства по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан.

дан, защиты их чести, достоинства, прав и свобод, регламентируемых Основным законом, от преступных посягательств и преступлений. С точки зрения организации национальная уголовная политика представляет собой прогрессивную разветвленную структуру, имеющую сложные уровни, подчиняющуюся законам иерархии и взаимообусловленности элементов. Тем не менее недостаточность и противоречивость методологической базы и нормотворческой активности, отсутствие обозначенной цели расшатывают эту «конструкцию», нарушая стабильное и согласованное функционирование уголовной политики как системы.

Как любая искусственно созданная система, уголовная политика подчиняется определенным законам и не может работать эффективно без наличия осознанной и четко сформулированной цели. Цель – основное звено, за неимением которого уголовная политика заходит в тупик, поскольку не осознает, как и каким способом адаптировать имеющиеся средства и ресурсы под свои потребности. Таким образом, теряется сам смысл системности, а значит возникает угроза устойчивому и согласованному развитию уголовной политики.

На этом фоне обещания победить тот или иной вид преступности при помощи нового пакета антикриминальных правовых актов остаются лишь обещаниями. Фактически они не могут быть выполнены за неимением цели либо при отсутствии синхронизации между целью и средствами ее достижения. В этой связи достаточно узко и однобоко отождествлять неполноту уголовной политики с неполнотой антикриминального регулирования. Данный подход довольно сложно назвать удовлетворительным, поскольку результативность проводимой уголовной политики во многом коррелируется со стабильным снижением уровня реальной преступности.

Процесс становления уголовной политики прошел долгую эволюцию. Под влиянием трудов Г. Тарда, Ференца фон Листа, Э. Ферри, А. Принса в теории российской научной школы сложилась традиция сегментирования уголовной политики на специфические фракции. Среди них выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, оперативно-розыскную и пенитенциарную. В начале XX в. уголовная политика рассматривалась, по сути, как учение о методах борьбы с преступностью. В 1970–1980-х гг. благодаря научным изысканиям В. Н. Кудрявцева, Л. Д. Гаухмана, Г. М. Миньковского, П. Н. Панченко традиция приобрела характерные черты общей теории уголовной политики [1], что в итоге позволило найти баланс между системностью и ее карательно-превентивной природой, а также сформулировать основные цели уголовной политики:

- обеспечение безопасности личности, защита ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью;
- минимизация уровня социальной напряженности в обществе за счет справедливого урегулирования конфликта общественных отношений, который был вызван преступлением;
- оказание всестороннего содействия для достижения социального благополучия на основе реализации идей социальной реабилитации лиц, вовлеченных в общественные отношения, вызванные преступлением.

В данный момент такое свойство уголовной политики, как системность, не реализуется в отечественном нормотворчестве и правоприменении.

Несмотря на впечатляющую теоретическую проработку этой проблемы, до сих пор отсутствуют официальная стратегия, концепция и доктрина уголовной политики, отраженные в отдельном нормативно-правовом акте, нет и алгоритма принятия законов в этой сфере [2]. Как ни странно, но при разработке законопроектов напрочь отсутствует момент сотрудничества и взаимодействия между специалистами различных ведомств уголовного права и криминологии. За весь период работы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов ни разу не были вовлечены в обсуждение проблемы представители сфер социальной, духовной, педагогической, научной направленности.

Наиболее критикуемым проявлением асистемности уголовной политики есть ее нестабильность, которая в свою очередь является следствием бесцельности. Прежде всего это выражается в бескомпромиссном преобладании карательных мер воздействия в инструментарии уголовной политики. Новейшее уголовное законодательство тщательно сосредоточено и лоббирует внедрение в кодифицированное антикриминальное законодательство изменений, прокламирующих преобладание карательных над иными мерами и методами воздействия [3].

По состоянию на 1 января 2018 г. действующий Уголовный кодекс РФ (УК РФ) претерпел 196 изменений, семь изменений были дополнительно внесены Конституционным судом РФ. Несмотря на более позднюю дату вступления в силу, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) менялся 211 раз и 22 раза по решению Конституционного суда РФ. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) подвергся «модернизации» 81 и семь раз соответственно. Вышеперечисленные изменения уголовного закона затронули основные направления уголовной политики, в том числе такие процессы, как криминализация, декриминализация, гуманизация, либерализация. Обновление антикриминального карательного законодательства происходит гораздо более стремительными темпами, нежели любого иного отраслевого либо межотраслевого законодательства. Усугубляет положение проект базового закона о профилактике правонарушений, работа над которым ведется более 25 лет. Эти факты прямо подтверждают предположение о существовании каскада сбоев и нарушений в национальной системе уголовной политики [4].

Как и в большинстве стран, в России предпринимались попытки отказа от уголовного наказания и исправительных учреждений, однако они носили экспериментальный характер и, в сущности, оказались безуспешными. Впрочем, изменение вектора в сторону агрессивного расширения сферы применения мер уголовной ответственности также не принесло результатов.

Интересно, что с точки зрения психологии толпы более жесткие меры наказания ассоциируются с высшей степенью справедливости. Это происходит потому, что каждый из участников убежден в собственной невиновности и порядочности близких людей, которых гипотетически это не должно коснуться. Громкие возгласы и призывы к избранию самой строгой меры пресечения декларируются в плену слепой уверенности, что они предназначены для кого угодно, но не для него. Массовое одобрение суровых кар в отношении чиновников, террористов, сверхбогатых людей не является объективным показателем готовности каждого к тому, чтобы самому понести «заслуженное» наказание.

Как показывает практика, такая модель утопична и неэффективна, поскольку не дифференцирует преступления по степени тяжести и отрицает возможность повсеместной ее реализации. Применить уголовный закон по тем же правилам и с той же заинтересованностью по отношению к себе и постороннему нарушителю невозможно. Преодоление преступности при помощи строгого уголовного наказания, равно как и с помощью средств некарательного воздействия (к примеру, общественное порицание, условное наказание), – иллюзия. Утрированная карательная и либеральная модели показали себя нежизнеспособными, даже несмотря на использование широкого спектра ограничений основных имущественных и психологических стимулов к совершению злодеяния. Основная причина кроется в том, что привычные для государства управленческие и правовые средства уголовной политики не могут изменить сущность человека или «подкорректировать» его ментальные и духовные несовершенства.

Этот тезис является чрезвычайно важным, поскольку демонстрирует косность традиционной модели борьбы с преступностью, использующей исключительно правовые и утилитарные инструменты уголовной политики. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости расширения границ модели и дополнить ее средствами психологического влияния, т.е. инициировать спин самоосуждения человеком самого себя в момент появления мысли о совершении преступления.

Проблема влияния угрозы уголовным наказанием на поведение человека не является новой для российской науки. Начало ее исследования было положено профессором А. И. Марцевым в 1960–1970-х гг., а позже воспроизводилось другими авторами в 1980–1990-х гг. Однако результат оставался неизменным: менее 25 % испытуемых воспринимали уголовное наказание как препятствие для совершения преступления; 90 % осужденных за преступления не задумывались о том, что в случае неудачи при совершении злодеяния их ожидает уголовное преследование; каждый восьмой не отказался от этой сомнительной затеи, даже если бы был полностью уверен в неизбежности наказания [5, с. 43].

На фоне высокой раскрываемости основных видов зарегистрированных преступлений в СССР и РСФСР в 1960–1970-х гг. полученные результаты кажутся непоказательными. Тем не менее масштабные изменения криминальной ситуации, произошедшие в стране в 1990-х гг., позволяют убедиться в их правильности и обоснованности.

Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству осужденных к лишению свободы за совершение преступлений различной степени тяжести, что в принципе должно быть убедительным доказательством реальности наказания для граждан, стоящих на распутье. В действительности же криминальная активность населения не снижает оборотов.

Профессор Б. Я. Гаврилов опубликовал данные, согласно которым за 2016 г. было зарегистрировано свыше 11,6 млн сообщений граждан о преступлениях, но лишь 15,9 % из них послужили поводом для возбуждения уголовного дела. Таким образом, высокая инициатива со стороны заявителей не показатель эффективности уголовной политики, способный создать серьезные препятствия гражданину, решившему «преступить черту».

Заявительская активность стимулируется путем упразднения этапа возбуждения уголовного дела либо за счет внедрения института следственного

судьи. С другой стороны, данный процесс сопровождается множественными негативными явлениями, способными нивелировать позитивный эффект от реализации этой идеи.

Одним из неукоснительных правил обеспечения жизнедеятельности любой искусственной системы (которой, по сути, является уголовная политика) состоит в том, что изменения в каком-либо из ее элементов неизбежно влекут за собой каскад преобразований других ее сегментов. Решение подобной задачи должно проходить максимально аккуратно и своевременно, поскольку неверный ключ может создать реальную угрозу государственности и социального спокойствия [6].

Этот же вывод справедлив в отношении идеи отказа от досудебного следствия и введения института следственного судьи. Судебные следователи появились в России в 1860 г. и стали важным элементом судебной реформы 1864 г. Институт судебных следователей «пришелся ко двору» и был сохранен в первых советских УПК РСФСР 1922–1923 гг. Организационно он был независим от прокуратуры и занимал довольно высокое положение в судебной иерархии, поскольку состоял в штате губернского, а затем областного суда. Однако вскоре произошла фактическая ликвидация предварительного следствия. В 1928–1929 гг. следственный аппарат был полностью передан в прокуратуру – судебная власть на предварительном расследовании закончилась.

Подобный строй предварительного расследования был в основном продублирован и последующими отечественными уголовно-процессуальными законами – советским УПК 1960 г. и российским 2001 г. Но даже будучи фактически превращенной в дознание, предварительная подготовка уголовных дел продолжает у нас именоваться следствием, а сотрудники полиции, расследующие преступления, – следователями «юстиции» [7, с. 192].

В настоящее время институт следственных судей с присущими национальному менталитету особенностями существует во Франции, Бельгии, Испании, Нидерландах, Швейцарии и других странах. Ряд полномочий, характерных для следственных судей, выполняют участковые судьи в Германии. Этот институт ввели Латвия, Литва, Молдова, Казахстан. При этом в большинстве западноевропейских стран следственный судья по традиции является, скорее, судебным следователем, нежели судьей, так как самостоятельно определяет ход предварительного следствия и по своей инициативе может собирать доказательства [8].

На данный момент в России власть и полномочия следственных судей конституционно не закреплены. Но следует отметить, что в данном направлении происходят качественные подвижки. Так, в 2015 г. Президентом России Владимиром Путиным были даны рекомендации Верховному Суду РФ, касающиеся детального изучения вопроса о возможности введения этого института. По его мнению, воссоздание корпуса следственных судей может помочь решить системные проблемы уголовного процесса.

Легализация досудебного следствия позволила бы более полно и непредвзято выявлять и фиксировать признаки преступления, концентрировать внимание на обстоятельствах дела, а не на выборе способа возмездия за совершенное преступление.

Задачи подобного уровня решаются исключительно в рамках реформы системы уголовной политики при поддержке со стороны государства. В ис-

тории развития российского уголовного права имеется опыт формирования государственной комиссии по разработке проекта Уголовного уложения и его редакционной комиссии, инициированного в 1881 г. Александром II.

Такая мера, по нашему мнению, способна погасить конфликт между ведомствами, предпринимательскими сообществами и научными школами за влияние на уголовную политику. Это вовсе не отрицает позитивный эффект конкуренции в вопросе разработки концепции уголовной политики. Наоборот, наличие нескольких вариантов моделей уголовной политики позволит сделать выбор в пользу наиболее оптимальной для последующей доработки и реализации. Кроме того, полезно взять на вооружение опыт европейских стран, прошедших этот путь и добившихся позитивных результатов.

Поскольку решить подобную головоломку исключительно умозрительными средствами невозможно, необходимо применение методов математического моделирования антикриминального законодательства и правоприменительной практики.

Криминологическое моделирование дает возможность провести всесторонний анализ, оценить и своевременно нивелировать криминогенные угрозы, представляющие опасность различным сферам жизнедеятельности государства, развитию общества и личности. Ее суть состоит в построении многоуровневых прагматических моделей социальных систем. Нормально функционирующая система обеспечения безопасности играет ключевую роль в процессе развития государства, поэтому применение криминологического моделирования в качестве метода прогнозирования развития явлений криминогенного характера является невероятно актуальным и востребованным на сегодняшний день.

Вопросу безопасности различных сфер жизнедеятельности человека посвящены многочисленные научные труды, также он активно регулируется и на законодательном уровне. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., наряду с внутренними и внешними угрозами безопасности, определены механизмы деятельности системы обеспечения национальной безопасности. В нормативных правовых актах нацбезопасность государства определяется как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В Российской Федерации преступность признается одной из внутренних угроз безопасности.

Несмотря на то, что меры по противодействию преступным посягательствам декларируются в различных программах и концепциях, привлекаются значительные материальные и людские ресурсы, ведется интенсивная профилактическая работа, криминогенные риски невозможно устранить в полном объеме. Идея борьбы с преступностью является фантастичной по своей природе, однако предусмотреть возможные риски от противоправных посягательств и сгладить вероятные негативные последствия для безопасности государства, субъектов хозяйствования и человека возможно при помощи математического моделирования системы уголовной политики.

Криминологическое моделирование системы обеспечения безопасности может выполнять несколько взаимостимулирующих функций. С одной стороны, это функция целеполагания деятельности, т.е. построение модели состояния. Другая функция криминологического моделирования состоит в разработке непосредственного алгоритма по противодействию преступным посягательствам на пути к достижению поставленной цели.

При осуществлении криминологического моделирования представляется необходимым учитывать изменения внутри структуры криминогенных угроз. В этой связи необходимо допускать возможность внесения изменений в алгоритм построения модели и методов повышения ее эффективности. Такая возможность возникает при поэтапном развитии модели с промежуточным анализом достигнутых результатов и последующей коррекцией деятельности системы.

По своей природе моделирование является обязательным, неизбежным действием во всякой целесообразной деятельности, пронизывает и организует ее, представляя собой не часть, а аспект этой деятельности. Помимо этого, в ходе построения модели того или иного явления следует не только определиться с целью построения модели и алгоритмом ее действия, но и выбрать ее тип.

Существуют разнообразные типы моделей, однако в отношении криминологического моделирования наиболее целесообразно использовать прагматическую модель. Необходимо отметить, что указанный тип модели отражает не существующий, а желаемый результат. Прагматическая модель является средством управления, элементом организации практических действий, способом представления образцово правильных действий или результата, т.е. является рабочим представлением целей. В связи с этим использование прагматических моделей состоит в том, чтобы при обнаружении расхождений между моделью и реальностью направить усилия на изменение реальности так, чтобы приблизить реальность к модели.

Важно понимать, что преобразование уголовной политики в части формальных институтов само по себе не способно снизить порог реальной преступности. В. Н. Кудрявцев утверждает, что секрет успеха борьбы с преступностью кроется в справедливом социальном устройстве. Большой разрыв между социальными слоями, а также диаметрально противоположные взгляды отдельных групп граждан на внутриполитические проблемы препятствуют нормализации общественных нравов.

В защиту данного тезиса можно сказать, что в рамках различных государств, диктатур и демократий, создававшихся и аннигилировавшихся в иные формы на протяжении всего развития человечества, справедливое равновесие в вопросе преступного и наказуемого не было найдено. Очевидно, что ответ кроется в исправлении духовных и моральных изъянов человека. Только при этих обстоятельствах возможно в полной мере раскрыть потенциал уголовной политики и укрепить основы государственности.

Библиографический список

1. **Поцелуев, Е. Л.** Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания / Е. Л. Поцелуев // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 183–193.
2. **Максимов, С. В.** Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 6. – С. 150–165.
3. **Максимов, С. В.** Асистемная уголовная политика / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 2 (49). – С. 63–69.

4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.06.2016).
5. **Марцев, А. И.** Общее предупреждение преступлений и его эффективность / А. И. Марцев, С. В. Максимов ; под ред. М. И. Ковалева. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1989.
6. Мониторинг уголовной политики России : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. – Москва : Институт государства и права РАН, 2014. – 482 с.
7. **Полищук, Н. И.** Тенденции современной уголовно-правовой политики государства / Н. И. Полищук // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 1. – С. 192–197.
8. **Дворецкий, М. Ю.** Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Великобритании, США и РФ: проблемы теории и практики применения / М. Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – № 4 (96). – С. 303–310.
9. **Клебанов, Л. Р.** Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки / Л. Р. Клебанов // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 95–96.
10. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – Москва : Эксмо, 2010. – 732 с.
11. Аналитическая записка к Федеральному закону от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». – Москва, 2010. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4644> (дата обращения: 20.03.2017).

References

1. Potseluev E. L. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2003, no. 3 (248), pp. 183–193. [In Russian]
2. Maksimov S. V., Valuyskov N. V. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences]. 2016, no. 6, pp. 150–165. [In Russian]
3. Maksimov S. V., Valuyskov N. V. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata* [Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notaries]. 2018, no. 2 (49), pp. 63–69. [In Russian]
4. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Legal Information Portal]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed Jun. 23, 2016). [In Russian]
5. Martsev A. I., Maksimov S. V. *Obshchee preduprezhdenie prestupleniy i ego effektivnost'* [General crime prevention and its effectiveness]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 1989. [In Russian]
6. *Monitoring ugolovnoy politiki Rossii: monografiya* [Monitoring the criminal policy of Russia: monograph]. Ed. S. V. Maksimov. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2014, 482 p. [In Russian]
7. Polishchuk N. I. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov]. 2015, vol. 21, no. 1, pp. 192–197. [In Russian]
8. Dvoretzkiy M. Yu. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of Tambov University. Series “Humanitarian sciences”]. 2011, no. 4 (96), pp. 303–310. [In Russian]
9. Klebanov L. R. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2016, no. 10, pp. 95–96. [In Russian]

10. *Kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Concepts of the development of Russian legislation]. Eds. T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Eksmo, 2010, 732 p. [In Russian]
11. *Analiticheskaya zapiska k Federal'nomu zakonu ot 27 dekabrya 2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o nakazanii v vide ogranicheniya svobody»* [Policy note to the Federal Law on 27th of December, 2009 No. 377-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation because of the provisions' introduction of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Executive Code of the Russian Federation on punishment in the form of restrictions on freedom"]. Moscow, 2010. Available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4644> (accessed Mar. 20, 2017). [In Russian]

Мкртчян Ани Давидовна

ассистент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: konf-rostov@mail.ru

Mkrtychyan Ani Davidovna

Assistant, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Валуysков Николай Викторович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: valuisikov58@mail.ru

Valuyskov Nikolay Viktorovich

Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Бондаренко Любовь Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: bondarenko20.06.1984@mail.ru

Bondarenko Lyubov' Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of civil law and procedure, Institute of Service and Entrepreneurship (branch of the Don State Technical University in Shakhty) (147, Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Хлгатян Анна Акоповна
студентка, Институт сферы
обслуживания и предпринимательства
(филиал в г. Шахты), Донской
государственный технический
университет (Россия, Ростовская область,
г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: anlo999@mail.ru

Khlgatyan Anna Akopovna
Student, Institute of Service
and Entrepreneurship (branch of the Don
State Technical University in Shakhty)
(147, Shevchenko street, Shakhty,
Rostov region, Russia)

Образец цитирования:

Мкртчян, А. Д. Совершенствование системы уголовной политики как основа справедливого социального устройства и укрепления государственности / А. Д. Мкртчян, Н. В. Валуйсков, Л. В. Бондаренко, А. А. Хлгатян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 52–62. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-4-6.